

реален именно такой калейдоскопический «мир». Для них история всегда будет начинаться «здесь и сейчас», а множественность миров всегда будет провоцировать фрагментацию и атомизацию личной жизни. Если это современный нормативный тренд, долой *такую* «современность» и *такую* «норму»!

А что касается преодоления иллюзии «человеческой сущности» или «человеческой природы», то именно этот путь отказа от заблуждения (а не «создания» чего-то нового) представляется мне единственной платформой для попыток сформулировать *адекватную* (а вовсе не «новую» и уж тем более не «современную») антропологию. Такая антропология должна еще искать и вырабатывать *язык*, отвечающий специфике ее позиции. И такая антропология должна помнить и напоминать об *идеале* как о той самой давно открытой Откровением «реперной точке опоры», которая единственно и может оказать всякому человеку помощь в ориентировании собственного существования как *коммуникативного бытия*, превосходящего себя к себе-в-норме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Свт. Николай Сербский*. Сквозь тюремное окно: Послания сербскому народу из концлагеря Дахау. – М., 2006.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОСТРОЕНИЯ ОНТОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

В.М. РОЗИН

В настоящее время антропологические исследования множатся как грибы после дождя. Спрашивается, почему? Не потому ли, что антропологический подход выглядит альтернативой и естественнонаучному подходу, и натуралистическому, и традиционному философскому? А также, возможно, и потому, что исследователи с антропологических позиций хотят понять, что собой представляет сам человек?

Хорошо бы разобраться, что собой представляет антропологический подход. Существуют две основные современные трактовки этой дисциплины: антропология — это целостное научное знание о человеке и вполне определенный, в этом смысле — ограниченный, научный подход к изучению человека. Для антропологии, пишет в Новой философской энциклопедии Н.Н. Козлова, в силу специфики объекта исследования всегда был характерен холизм как принцип целостного восприятия человека, общества, культуры. Последняя книга Иммануила Канта, вышедшая в 1798 г., называлась «Антропология с прагматической точки зрения». В ней великий немецкий философ утверждает, что антропология — это систематическое учение о человеке, который рассматривается с двух точек зрения: «Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагматическое — исследование того, что он, как свободно действующее существо, делает или

может и должен делать из себя сам»¹. Подход Канта к изучению человека можно отнести ко второй трактовке, и, на мой взгляд, он является более реалистическим.

Как ставит вопрос Сергей Смирнов, «речь идет о поиске адекватного дискурса о человеке, о выработывании стиля и типа мышления о проблеме человека, об отказе от мышления о человеке как об объекте в пользу размышления о ситуации человека как способе бытования». При этом вопрос ставится о человеке вообще, его кризисе, гибели и преображении, однако на преобразование способна только личность. Кому-то может показаться, что это одно и то же: личность — одна из характеристик человека.

Но это не так. Личность, как точно отмечает В.С. Библер, — это не просто человек, а индивид, способный к самодетерминации и преодолению социальной и культурной обусловленности. Личность складывается только в античной культуре, когда отдельные индивиды (Сократ, Платон и т.д.) переходят к самостоятельному поведению, противопоставляют себя обществу (т.е. преодолевают культурную обусловленность) и пытаются выстраивать свою жизнь.

Так вот, во-первых, не каждый человек — личность, во-вторых, часто человек ведет себя не как личность, хотя в других ситуациях он проявляет себя как личность, в-третьих, только личность способна на преобразование или, как писал С. Киркегор, на «второе рождение».

Кризис, о котором пишет Смирнов, можно понимать двояко. С одной стороны, он не затрагивает саму сущность человека, иначе каким образом последний способен к преобразению и созданию самого себя, правильного, отвечающего вызовам времени?

С другой стороны, этот кризис затрагивает, меняет сами антропологические основы, другими словами, мы уже не имеем дело с человеком в традиционном понимании. Но тогда в каком смысле «преобразование», будет ли «человек» (или какое-то новое существо) вообще к этому склонно? Не обнаруживаем ли мы в этой ситуации становления чего-то нового, что человек не образует целого? В этом случае возникает вопрос: в какое целое (целые) включен человек, и какие ситуации (познавательные или практические) позволяют нам идентифицировать нужное целое?

Кстати, почему «преобразование» и «энергия»? Потому что Смирнову нравится концепция С.С. Хоружего, который серьезно доказывает, что сущность человека состоит в энергийном преобразении. С. Хоружий — христианин, причем одновременно прекрасный философ, а традиция «разумного христианства», идущая, как показывает С.С. Неретина, еще от Средних веков, действительно ставила «преобразование» в центр христианского спасения. Но почему, спрашивается, чтобы решить проблемы, стоящие перед современным человеком и не только человеком (обществом, культурой), нужно именно преобразование? К тому же разве на преобразование (или как пишет Хоружий, на духовный «подвиг») способны многие? Очевидно, что нет, это удел немногих, причем глубоко верующих. А Смирнов вроде бы печется обо всех. Или только об избранных?

Думаю, стоит различать человека вообще, как концепт социальной инженерии, в рамках которого предполагается, что люди — природные образования (в смысле второй природы), и потому обладают общими закономерностями развития и строения, и личность, которая принципиально не природное образование. Как способная к самодетерминации и выстраиванию собственной жизни, личность, становясь в разных социальных условиях, допускаемых современной цивилизацией, складывается в разные типы и целостности. В этом смысле каждая личность — это самостоятельный мир, и эти миры не могут быть редуцированы до «человека вообще», а, следовательно, не подпадают под компетенцию социальной инженерии.

Но ситуация еще сложнее. Как показывает Ханна Арендт, личность, политика и свобода — три стороны одного целого. Не социальная инженерия, а политика является тем социальным действием, в контексте которого инициируется новое и, вероятно, возможно даже преобразование. Личность в Античности, по мнению Арендт, это индивид, который, с одной стороны, избавлен от жизненной необходимости, поскольку он домохозяин и владеет рабами, с другой стороны, вне дома в публичном пространстве участвует как равный с равными в принятии социальных решений, затрагивающих судьбы полиса. Под политикой понимается личностное свободное поведение и действие (поступок), причем такие, которые, во-первых, ориентированы на социальные изменения, во-вторых, так сказать, интересубъективны, т.е. могут достигнуть своей цели только при поддержке других личностей (общества)².

На мой взгляд, корректная реализация антропологического подхода предполагает рефлексию и демонстрацию представлений о человеке, которые исповедует исследователь или философ. И вряд ли имеет смысл размышлять о человеке вообще, такого феномена для положительного мышления, наверно и нет. Здесь я вполне солидаризируюсь с С.С. Аванесовым. Зато есть различные дисциплины, где используются вполне определенные представления и концепции человека, и на основе этого делаются конкретные выводы. Вот эти области и проблемы в них и требуется осмыслять и изучать.

Например, имеет смысл антропологическая проблематика в философии техники, в учении о телесности, в осмыслении тьюторской педагогики и во многих других областях знания и практики. Но эта проблематика везде разная и обсуждается она на основе разных концепций человека. Можно обсуждать методологию исследований в этих областях, но вряд ли онтологию человека как такового. Такая онтология может не существовать вообще, или же мы еще не доросли до ее обсуждения. Проанализируем конкретные антропологические исследования, осмыслим их, и тогда, возможно, придет черед обобщениям и конфигурированию. Но может и не придет, все зависит от того, что мы поймем к этому времени. Как говорится, давайте поспешать не торопясь.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. В 4 т. на немецком и русском языках. Т. 3. — М., 1997. С. 351.

² Характеристики свободного античного человека по Арендт совпадают с моей характеристикой «становящейся античной личности» (см.: Розин В.М. Личность и ее изучение. – М., 2004, 2012).

НЕКОТОРЫЕ ТРЕНДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С.В. ГЕРАСИМОВ

Человек — часть природы, из которой он вышел в результате эволюционного развития на протяжении миллионов лет. Отсюда следует, что человек есть результат всех предыдущих ступеней эволюции природы: неживой, растительной, животной. «Программа человека» в своем развитии вбирала свойства предыдущих ступеней и использовала их как исходный материал для формирования новых качеств или следующей ступени. Учет этого дискретно-эволюционного тренда дает возможность моделирования будущих состояний исходя из общих законов развития системы.

Дискретность состоит в том, что количественные характеристики переходят в качественные нелинейно. Периоды равномерного развития сменяются революционными рывками или фазовыми переходами¹. О дискретности в эволюционном развитии говорили Аристотель, Ш. Боне, Ж.-Б. Ламарк. «Строение реального мира имеет форму наслоения. Каждый слой является целым порядком сущего. Главных слоев четыре: физически-материальный, органический-живой, душевный, исторически-духовный. Каждый из этих слоев имеет свои собственные законы и принципы. Более высокий слой бытия целиком строится на более низком, но определяется им лишь частично»², — писал Н. Гартман.

В соответствии с этой моделью можно представить развитие факторов, определяющих человеческое поведение.

Уровень животного понимания. Он связан с животными желаниями в человеке: пища, сон, секс, дом и безопасность. Это самый первый человеческий уровень, на котором человек выживал — как зверь, и сам факт выживания лишал его возможности развиваться дальше в постижении природы. Ключевую роль в последующем фазовом переходе сыграла вербализация опыта. С развитием речи стала возможна передача опыта в неограниченных объемах, что повлекло формирование следующего уровня.

Уровень сравнения. Как только человек достиг уровня устойчивого существования, не зависящего от годового погодного цикла, он стал сравнивать себя с соседями по социуму. Путем сравнения людей внутри сообществ выстроились системы социального неравенства, которые закрепили имущественное разделение в социуме. В конце этого уровня возникли деньги как общий инструмент сравнения.

Уровень власти почета и славы возник сразу за закреплением статуса человека в обществе. Возникновение различных манипулятивных опытов, от прямого физического воздействия до сложных маркетинговых, позже —